

Оригинальная статья / Original article

УДК 39

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-86-101>

М. Маяр (1809–1892) и его вклад в развитие словенской и российской этнографии

© М.М. Керимова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия

Аннотация: Выдающийся деятель словенского национального возрождения, лингвист и этнограф М. Маяр (1809–1892) сыграл огромную роль в пробуждении и формировании этнического самосознания словенцев, их литературного языка, в становлении национальной культуры в целом. В настоящей работе впервые в российской историографии проанализированы его этнографические статьи, написанные в 1840–60-е годы и внесшие большой вклад в становление и развитие словенской этнографической науки. Он явился одним из первопроходцев в собирании и издании словенского фольклора, в изучении обычаев, обрядов, традиций и культурного наследия словенцев. Будучи последователем мифологической школы братьев Гримм, устное поэтическое творчество он рассматривал с точки зрения влияния на него мифологических сюжетов, обычаев и обрядов. Используя метод включенного наблюдения (сбор эмпирического материала), он приходил к важным обобщениям и выводам, что давало импульс дальнейшему развитию зарождающейся этнографии в словенских землях. В статье также освещено участие М. Маяра в организации словенской экспозиции на первой Всероссийской этнографической выставке 1867 г. в Москве и его личное присутствие на ней. Кроме того, кратко рассмотрены воспринятые им от славянских «будителей» идеи славянской взаимности и языкового единства славянских народов. В своем научном творчестве он поднимал проблемы языковой и литературной трансформации словенского языка и его кодификации, введения школьного образования на родном языке. Он являлся и крупным политическим деятелем, автором политической программы «Объединенная Словения», активно занимался публицистической и популяризаторской деятельностью.

Ключевые слова: М. Маяр, словенский «будитель», вклад в словенскую и российскую этнографию, идеи славянской взаимности и лингвистической близости славянских языков, словенская этнография в XIX столетии, этнографические статьи М. Маяра, календарные обычаи, праздничная обрядность словенцев, этнографическая выставка 1867 г. в Москве и М. Маяр

Благодарности: Работа выполнена по теме НИР ИЭА РАН «История и образование этнологии и антропологии».

Для цитирования: Керимова М.М. М. Маяр (1809–1892) и его вклад в развитие словенской и российской этнографии // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 86–101. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-86-101>

M. Mayar (1809–1892) and his contribution to the development of Slovenian and Russian ethnography

© Mariam M. Kerimova

Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclay RAS, Moscow, Russia

Abstract: An outstanding figure of the Slovenian national revival, linguist and ethnographer M. Mayar (1809–1892) played a huge role in awakening and shaping the ethnic identity of Slovenes, their literary language, in the formation of national culture as a whole. In this work, for the first time in Russian historiography, we analyze his ethnographic articles written in the 1840–60s and which made a great contribution to the formation and development of Slovenian ethnographic science. He was one of the pioneers in the collection and publication of Slovenian folklore, in the study of customs, rituals, traditions and cultural heritage of Slovenes. As a follower of the mythological school of the Brothers Grimm, he considered oral poetry from the point of view of the influence of mythological plots, customs and rituals on it. Using the method of participatory observation (collection of empirical material), he came to important generalizations and conclusions, which gave impetus to the further development

of the emerging ethnography in the Slovenian lands. The article also highlights the participation of M. Mayar in organizing the Slovenian exposition at the first All-Russian ethnographic exhibition in 1867 in Moscow and his personal presence there. In addition, the ideas of Slavic reciprocity and linguistic unity of the Slavic peoples, perceived by him from the Slavic «awakeners», are briefly considered. In his scientific work, he raised the problems of the linguistic and literary transformation of the Slovenian language and its codification, the introduction of school education in his native language. He was also a major political figure, the author of the political program “United Slovenia”, was actively involved in journalistic and popularization activities.

Keywords: M. Mayar, Slovenian “awakener”, contribution to Slovenian and Russian ethnography, ideas of Slavic reciprocity and linguistic proximity of Slavic languages, Slovene ethnography in the 19th century, ethnographic articles by M. Mayar, calendar customs, festive rituals of the Slovenes, ethnographic exhibition in 1867 in Moscow and M. Mayar

Acknowledgements: The work was carried out on the topic of research work of the IEA RAS “History and education of ethnology and anthropology”.

For citation: Kerimova M.M. (2020) M. Mayar (1809–1892) and his contribution to the development of Slovenian and Russian ethnography. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 86–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-86-101>

В настоящей статье впервые в российской науке освещен вклад словенского просветителя М. Маяра в развитие словенской и российской этнографии. Труды этого выдающего деятеля славянского национального возрождения являют собой пример активной работы в различных областях изучения национальной культуры: в кодификации словенского языка, издании словенского фольклора, в изучении обычаев и традиций. Кроме того, он стал автором политической программы «Объединенная Словения», активно занимался публицистической и популяризаторской деятельностью. Его творческое наследие насчитывает около десяти монографий и сборников фольклора, более 60 статей¹. Вклад М. Маяра в создание словенского литературного языка и его политические взгляды достаточно подробно представлены словенскими и российскими учеными (Rozman, 1893; Breznik, 1913; Kovačič, 1930; Merhar, 1933; Kidrič, 1929; Будилович, 1892; Францев, 1905; Сперанский, 1931; Запольская, 1996; Чуркина, 2002; Чуркина, 2017 и др.). Однако этнографические изыскания этого просветителя оказались вне поля зрения словенских и российских исследователей. Исключение представляют статьи словенских этнологов В. Но-

вака и Ю. Фикфака (Novak, 1986; Fikfak, 2008²), но в них творчество М. Маяра представлено на фоне развития словенской этнологии в целом, при этом не раскрывается и не анализируется содержание его немногочисленных, но очень содержательных этнографических работ, в которых Маяр явился первопроходцем в изучении обрядов, обычаев, мифологии и фольклора словенцев. Надеюсь, что настоящая статья восполнит этот пробел, благодаря чему в научный оборот впервые будут введены девять статей этого замечательного этнографа, лингвиста и общественного деятеля (Majar, 1844; Majar, 1845; Majar, 1847a; Majar, 1847b; Majar, 1848; Majar, 1850; Majar, 1851; Majar, 1858; Majar, 1865).

* * *

Маяр Матия (Зильский) родился 7 февраля 1809 в с. Гориче в Зильской долине в семье бедного портного, однако весьма образованного человека, который с 7 лет учил сына постигать основы немецкого и словенского языков, благодаря чему он быстро овладел искусством чтения и читал родителям Послание св. Иакова на словенском. Так в нем пробудилась любовь к родному языку. После трехлетнего обучения в школе соседнего села Св. Штефан в возрасте 12 лет его перевели в школу

¹ Наследие М. Маяра отложилось в архивных материалах словенского филолога и слависта К. Штрекеля, хорватского и словенского просветителя С. Вразы и словенского диалектолога и фольклориста Й. Шейнига (J. Scheinigg).

² Эта же статья была переиздана на англ. яз.: *Ethnography and Matija Majar // Traditiones*. 40 (2), 2011. S. 27–44.

г. Целовец (Клагенфурт, Каринтия), но из-за бедственного положения семьи он был вынужден на некоторое время прервать обучение, однако, получив поддержку каноника Бицелинга, с 1825 по 1831 г. продолжил его (Матвей Маяр Зильский, 2010. С. 289). Затем в 1832–33 гг. М. Маяр учился в лицее в Граце, а осенью того же года поступил в семинарию г. Целовец, которую закончил в 1836 г. Получив сан священника, он с 1837 по 1840 г. состоял экспедитором епископской канцелярии в Целовце, где стал воспитанником среди кандидатов духовного звания у патриотически настроенного словенского общественного деятеля, экуменического епископа А.М. Сломшека, который старался возбудить у молодых кандидатов любовь к словенскому языку и более широкому его распространению.

В 1840 г. Маяр получил должность капеллана в Рожеке, в 1842 г. в Жабнице (Канальская долина, Каринтия), а в 1843 г. занял место соборного капеллана в Целовце, где оставался до 1848 г. Здесь он сблизился с видными деятелями словенской литературы Я. Янежичем, А. Эйншпилером и др.

Будучи сельским священником, Маяр не мог получить специальной лингвистической подготовки, однако самостоятельно достиг высот образованности и блестяще овладел немецким, а также латинским, греческим, старославянским, русским, сербохорватским, чешским, польским и словацким языками и начал усердно заниматься собиранием народного творчества.

Сбору сокровищ национальной культуры способствовало путешествие Маяра по Каринтии (1837) вместе с поэтом и просветителем С. Вразом, которому он впоследствии отправлял для публикации собранные народные песни. В сентябре 1843 г. он вновь совершил путешествие по Горице (регион в западной Словении), Млетской и Триестской областям, а затем через Люблянну вернулся в Жабницу, собрав множество произведений фольклора, обычаев, мифологических преданий, данных по этническому составу этих регионов (Majar, 1844. S. 159; Majar, 1847a. S. 20–37; Majar, 1847b. S. 9–18). Эти материалы он сначала публиковал в центральной словенской газете «Сельские и ремесленные

новости» (далее – «Новости» (Novice)), а затем и в периодическом издании «Словенская пчела», сборнике народных песен «Цветы словенского народа», хорватском журнале «Коло».

В 1848 г., после революционных событий, Маяр агитировал словенцев Каринтии не участвовать в выборах во Франкфуртский парламент, поэтому епископ отправил его в отдаленный приход на горе Св. Вишарье (Sv. Višarje) в Юлийских Альпах. Но и здесь он продолжал заниматься реформированием языка и делом объединения славян и написал сочинения: «Правила правописания латинско-кириллическо-славянские» и «Грамматика для словенцев».

В течение двух лет (1850–51) продолжалась его деятельность священника в нескольких приходах Каринтии, а с 1851 г. он переехал в Зильскую долину (с. Горье), где и прожил до 1870 г. В 1868 г. в Целовце им было создано политическое общество Trdnjava (Крепость), в котором он председательствовал, произнося пламенные речи по защите прав хорутанских словенцев.

В 1871 г. М. Маяр получил приход в Крижней горе (Križna gora, регион Шкофья Лока), где оставался до 1883 г., после чего из-за политических преследований переехал в Прагу. Его последнее сочинение «Святые братья Кирилл и Мефодий, славянские апостолы», написанное в честь тысячелетия прихода Кирилла и Мефодия в чешские земли, вышло в 1884 г. в Праге на средства Общества св. Могора.

Умер М. Маяр 31 июля 1892 г. на 83 году жизни, был похоронен в Праге на Ольшанском кладбище.

М. Маяр и идеи общности славянских языков и славянской взаимности

Лейтмотивом деятельности М. Маяра были новаторские идеи, связанные с кодификацией словенского языка, определении его места в существующих классификациях и теориях родства славянских языков в свете идей патриотизма и славянского сближения. Они формировались синхронно с его этнографическими интересами, возникшими в свя-

зи с борьбой за укрепление национального самосознания словенцев.

Мысли о единстве славянских народов в политическом и культурном контексте начали высказываться различными общественными деятелями еще с XVII в., но особенно они усилились с середины XIX столетия, что было связано с новыми всплесками сопротивления южных и западных славян германизации и мадьяризации. В XIX в. в кругах зарубежных славянских общественных деятелей доминировали различные идеи: языковое, литературное и политическое объединение всех южных славян, «иллирийский» в качестве всеславянского; создание всеславянского языка – межславянского «эсперанто», нового (не церковнославянского) общеславянского литературного языка; использование русского как всеславянского языка (Толстой, 1998. С. 22–28).

М. Маяр выдвинул идею интеграции словенского с другими славянскими языками, придумав свое собственное комбинационное утопическое изобретение искусственного общеславянского языка и изложил свои мысли в книге «Правила образования иллирийского наречия и общеславянского языка вообще» (1848), написанной под влиянием идей словацкого просветителя Я. Коллара, в которой он проповедовал такую степень взаимности, которая означала полное слияние славянских языков в единое целое.

Однако основные языковые и литературные трансформации, предложенные Маяром, начались с возникновения в Загребе иллирийского движения под руководством создателя хорватского литературного языка Л. Гаю, издателя «Иллирской народной газеты» (Ilirske narodne novine) и журнала «Даница иллирийская» (Danica ilirska). Среди словенцев его идеи горячо поддержали С. Враз и М. Маяр. В целях сближения хорватов и словенцев в литературе М. Маяр помимо сочинения «Правила образования иллирийского наречия и общеславянского языка» издает статью «Иллирийско-словенский язык» (Majar, 1849).

Неоднократно в своих статьях он поднимает тему школьного образования на словенском языке, на страницах «Новостей» выступает со статьей о

том, что не следует засорять красивый словенский язык иностранными словами (Novice. 1852. № 52), считая, что он должен быть языком преподавания всех предметов в начальных и средних школах. Для того чтобы повсюду внедрить словенский язык, – подчеркивал он в статье «Словенский в Словении» (Majar, 1859), – он должен стать языком межличностного общения среди словенцев во всех словенских землях.

В 1865 г. в Праге была опубликована «Сравнительная грамматика славянских наречий», затем «Русская грамматика для словенцев» (1867), «Гностическое Евангелие для словенцев» (1867). В «Сравнительной грамматике» он отвечал на вопрос: «что значит писать взаимно». Писать взаимно, значит, писать на современных литературных славянских языках так, чтобы они постепенно сближались и уподоблялись друг другу. Опираясь при этом, считал Маяр, нужно на русский язык. Возможность структурного сближения славянских литературных языков была, по мнению Маяра, мотивирована историей славян, имевших единый старославянский язык. Свою собственную лингвистическую задачу он видел лишь в том, чтобы создать механизм, облегчавший сближение и уподобление языков (Запольская, 1996. С. 91–92). Для этого он предложил издавать всеславянский «взаимный» литературный журнал «Славянин» (Slavjan), средства на издание которого выделил Московский Славянский благотворительный комитет. Печатать его он планировал кириллическим письмом на всех славянских языках. Однако средств на издание не хватало и в 1876 г. он прекратил свое существование (Чуркина, 2017. С. 255).

Отметим, что система лингвистических взглядов Маяра имела сложную траекторию развития, в которой была и пропаганда распространения и развития словенского языка среди словенцев, и предложения по созданию южнославянского («иллирийского») языка, и идеи общеславянского языка. Все это присутствует в сознании и в творчестве М. Маяра не последовательно, а синхронно, и в 1840-х, и в 1850-х годах.

Реформирование словенского языка было неразрывно связано с политическими устремлениями

М. Маяра. Во время революции 1848–49 гг. в Австрии он стал одним из авторов политической программы словенцев «Объединенная Словения», согласно которой земли, населенные этническими словенцами (Крайна, части Штирии, Приморья и Каринтии) должны были войти в отдельную административно-политическую единицу в рамках Австрийской империи, считал, что объединение славян невозможно без помощи России.

В 1860-е гг. в позиции Маяра начала превалировать югославянская идея, а затем в 1870-е появилась и более широкая австрославистская программа. Последняя состояла из двух частей: программы Объединенной Словении и программы славянского союза. В марте 1861 г. он опубликовал статью «Наше положение» (Majar, 1861. S. 95), в которой выдвинул требования об объединении всех словенских земель в единое административное политическое целое, введение словенского языка в школах и учреждениях, установление союза с хорватами и укрепление взаимности с остальными славянами (Кирилина, Пилько, Чуркина, 2011. С. 212). В 1865 г. М. Маяр и Г. Эйншпиллер стали пропагандировать проект создания Иллирийского королевства, но и эта политическая программа не получила дальнейшего распространения.

Введение австро-венгерского дуализма в 1867 г. вызвало резкое недовольство словенских национальных деятелей, в том числе М. Маяра. В 1870-е гг. у хорватских и словенских политических деятелей возникла мысль о возможном административном объединении словенских земель с Триединым королевством. Они приняли резолюцию, которая провозглашала общность интересов южных славян Австро-Венгрии, но М. Маяр хотел пойти дальше и выдвинул утопическую идею создания славянской державы, в которую вошли бы Словения, Центральная Хорватия, Славония, Далмация, Чехия, Галиция, Моравия, Словакия и вновь организованная область Воеводина.

После 1875 г. деятельность Маяра ослабевает, что было связано с гонениями властей на либеральные словенские общества в Каринтии и с обострившейся болезнью глаз. Из-за преследований

лидеров словенцев немецкими националистами М. Маяр был вынужден в 1883 г. эмигрировать в Прагу.

Словенская этнография в XIX столетии и М. Маяр

Этнография в словенских землях шла по аналогичному пути складывания общеевропейской науки. В центре внимания молодой науки было формирование особого взгляда на «другое», иноземное, также, как и на «свое», доселе неизученное (путешествия и открытия разных экзотических культур неевропейских народов и «краеведческая» этнография в своей стране (Volkskunde)) (Токарев, 1978. С. 16)³. В Западной Европе в это время появилась дисциплина, которая пыталась обнаружить, определить и исследовать «другого», формируя в последней четверти XVIII – начале XIX в. названия: Völkerkunde, а также Ethnographie, Ethnologie (Фермойлен, 1994). Европейская наука начала XIX в. «с особой тщательностью разрабатывала идеи духовной культуры с целью выявления “общего народного духа”; влияние идей романтизма, немецкой философии, трудов И.Г. Гердера и мифологической теории братьев Гримм привело к преобладанию мнения, что народоведение должно опираться на изучение жизни народа – т. е. крестьянства» (Лескинен, 2007. С. 283).

Пробуждение интереса к изучению жизни своего народа в словенских землях, во-первых, было связано с имперскими амбициями и национальной политикой Габсбургской монархии, необходимостью управления и научного изучения входящих в нее народов. Это во многом стимулировало всплеск новых исследований. Во-вторых, изучению своего народа в XIX в. способствовала собирательская и исследовательская деятельность таких ученых как Я. Колар, П.-Й. Шафарик, Ф. Челаковский и др. Это вело к укреплению этнической идентичности и делало возможным национальное пробуждение славянских народов. Поэтому можно сказать, что становление этнографии в словенских землях (Штирии, Каринтии и Крайне) происходило в рамках развития национальной науки, поддер-

³ Токарев С.А. История зарубежной этнографии: учеб. пособие. М.: Высшая школа. 1978. 352 с.

живаемой государственной политикой по изучению народа, всего исконно национального. Именно такую модель предлагал М. Маяр.

В этом контексте необходимо отметить, что первый этап становления словенской этнографии начался в 1788 г. публикацией первой части «Опыта истории Крайны и других южнославянских земель Австрии» словенского драматурга и историка А.Т. Линхарта, гораздо позже появились «Введение в историю славянской литературы» (1874) словенского филолога Г. Крека, первый том «Словенских народных песен» (1895) К. Штрекеля и публикации М. Мурко о славянской этнографической выставке в Праге (1895). Все они акцентировали внимание на изучение разных форм сельской народной культуры. Собираение и изучение фольклорной традиции – песен, поговорок, а также праздников, обычаев, народного костюма, жилища стало неотъемлемой частью формирования идентичности словенцев.

Сбор и изучение словенских народных традиций относится к 1830–40-м гг. (Fikfak, 2008. S. 16–17). В их формировании, прежде всего, важны заслуги польского этнографа Э. Корытко (1813–1839), общение Маяра со священником и поэтом У. Ярником и С. Вразом. В программных текстах Э. Корытко и предисловии С. Вразы к собранию песен и переписки последнего с разными корреспондентами разъясняются принципы сбора фольклорного материала. Собрание словенских песен краинского народа Э. Корытко (*Šlovénške pésmi krajnskiga naróda*, 1839–1844) было опубликовано в 5 томах посмертно. У. Ярник также в своем поэтическом творчестве неоднократно использовал этнические мотивы, в основанном им журнале «Каринтия» доказывал автохтонность словенцев и одним из первых стал широко употреблять этноним «словенец», изучал ономастику, кратко писал об обычаях и стереотипах поведения каринтийских словенцев. Среди учеников С. Вразы, которых он консультировал по собиранию народного творчества, наиболее важную роль сыграли М. Маяр и Я. Волчич. Маяр, а немного позже (1850–70 гг.) католический священник Я. Волчич одними из первых тщательно начали собирать обычаи и обряды словенцев. Однако

Я. Волчич, в отличие от М. Маяра, вел записи фольклора и других компонентов народной культуры лишь в юго-западных приморских районах словенских земель и больше всего в Хорватской Истрии, где он служил священником. В своих сборниках он публиковал стихи, пословицы, народную прозу, об обычаях он писал значительно меньше, лишь в связи с обрядовым фольклором. Большим недостатком его трудов было отсутствие точной локализации и датировки собранного материала (Fikfak, 1984. S. 104).

Маяр начал свою собирательскую деятельность с публикации народной зильской песни «Bez konca ino kraja» (Конца этому не видно) в сборнике иллирийских народных песен (1839) С. Вразы. А во время их совместного путешествия в 1841 г. по Каринтии Маяр обогатил свою коллекцию народных песен обширным материалом, издав впоследствии в Вене собранные материалы под названием «Народные песни и сказания каринтийских словенцев» (1860). При сборе народных и церковных песен и стихов, опубликованных в сборниках Вразы, Маяр в основном акцентировал внимание на вопросе распространения и диалектных различий словенского языка на большом пространстве от северо-запада Каринтии до Венецианской Словении, по которым он совершил свои путешествия.

Словенский этнолог Ю. Фикфак подчеркнул, важность того, что при М. Маяре, С. Вразе, позднее Я. Трдине появились первые датированные записи с точной локализацией местности, в которой были собраны фольклор и обычаи (Fikfak, 1999. S. 22).

Поскольку словенские исследователи творчества М. Маяра не останавливались на содержательной стороне его этнографических изысканий, считаю нужным их проанализировать.

Итак, с 1844 г. Маяр начал публиковать свои этнографические материалы, представляя отдельные компоненты словенской народной культуры. В центре его внимания оказались словенский обрядовый фольклор, народные праздники и обычаи, которые, как он отмечал, нужно уважать и культивировать, а не обвинять словенцев в том, что они в старину исповедовали «неправильные религии» (Majar, 1844. S. 172). В статье «*Нечто о словенцах*.

Из *Каринтии*» он пишет о ценности и красоте словенских народных песен и сказаний Зильской долины, в ней звучит мысль о том, что эстетическое восприятие Маяра соответствовало его этнографическим устремлениям: национальная песня, по его мнению, была отражением жизни народа. «<...> Словенцы очень песенный народ, и народные песни – живой памятник того, какими были наши предки, <...> чем больше песня отражает народные чаяния, тем она лучше и красивее», – писал он (Majar, 1844. S. 151–152). Маяр романтически воспринимал безгреховность и душевную чистоту простых людей, отражающуюся в песнях. Статью предваряла характеристика национального характера словенцев: «они благочестивы, умны, имеют ясную голову, доброе, мягкое и открытое сердце, у них распространена взаимопомощь, поэтому они всегда поддерживают других, в общении они очень просты и радушны, все делают так, как им сердце велит» (Majar, 1844. S. 136).

В статье «*Народные песни*» (Majar, 1850) он выступал против тех авторов, которые обличают словенское песенное творчество в том, что в нем выставлены напоказ человеческие пороки, пишет, что в песнях «открывался для народа новый литературный жанр, они подобно нежному, свежему цветку такие же жизнеспособные, как и весь словенский народ <...>. Если бы словенские песни не были особенно красивыми, люди бы их быстро забыли, через них слышен голос словенцев из старых времен, они – зеркало, в котором отражается то, о чем наши предки размышляли, как веселились, как грустили. Исполнители этих песен узнавали, что именно нашему народу нравится, какой должна быть мелодия, народный поэт уяснял, каким образом нужно создавать эти песни, чтобы они были исконно словенскими, лингвист из песен узнавал бы как говорит народ в разных наших краях, тот, кто учится правильно петь и говорить постигает из них синтаксис и стиль словенского языка» (Majar, 1850. S. 89–90). Далее он рассуждал о принципах стихосложения, о стихотворном размере, ритме, словообразовании, стиле народных песен, призывал образованных людей ходить по Словении и собирать их: «разговаривая с людьми,

ищите слова, которые менее знакомы, обращайтесь внимание на красивые изречения, пословицы, спрашивайте названия разных трав и цветов, их употребление, названия разных ремесел, средств передвижения, деталей мельницы, ткацкого станка и т. д. Всегда имейте при себе ручку и бумагу, и когда вечером члены семьи собираются в доме и занимаются домашними делами, чистят, например, орехи, они часто напевают песню, а вы записывайте ее. Записывайте все новое, что услышите и отмечайте, где вы слышали эту песню» (Majar, 1850. S. 92). Самыми интересными Маяр считает обрядовые песни, исполняемые на Крес (праздник в честь Дня летнего солнцестояния), бытующие между Горицей и Триестом. Он призывает к их тщательной, точной фиксации, без улучшений, изменений и сокращений.

После путешествия в 1843 г. по Каринтии, Маяр одним из первых дважды обращается к сюжету славянской мифологии – *виле*. Сначала сжато в статье «*Нечто о словенцах. Из Каринтии*», а затем более подробно в работе «*Вилы, и что о них знает народ словенский в Каринтии*» (Majar, 1847b. S. 9–18). Поверья о сказочных, волшебных существах южных славян – *вилах*, которых в разных областях словенских земель называли по-разному: белые женщины, почтенные женщины, морские девушки и т. п., широко бытовали практически в каждом селении. Считалось, что они обитали в пещерах, в горах и лесах, вблизи источников и ручьев. В брак они никогда не вступали и старались держаться вдали от мужчин. В пещерах у них обычно было обиталище наподобие комнаты, в которой была даже посуда и печь. Когда человек попадал в такую пещеру и произносил там громкое слово, оно отзывалось эхом и это значило, что здесь живут белые женщины. Так их называли за длинные белые одежды, которыми они закрывали козлиные, лошадиные или ослиные ноги (Мифологический словарь, 1991. С. 123). Считалось, что они очень красивы, молоды, благожелательны, образованы, умеют предсказывать будущее, толковать сны, учить крестьян обрабатывать поля, сажать сады, добывать из недр руду, плавить железо, знают целебные свойства растений и умеют делать из них лекарственных

ные средства. Вилы – пророчицы умели гадать по солнцу, луне, звездам, предсказывать по ним, каким будет урожай, и когда нужно распахивать и засеивать поля. Маяр отмечал, что словенских вил не нужно путать ни с римскими Парками (Parkae), ни с греческими нимфами (Nimphe), это – исключительно славянский мифологический персонаж, появившийся у них в дохристианские времена.

Интересно своеобразное поверье, связанное со свадебным обрядом в Рожье (Каринтия). Утром, когда все вставали, белая женщина ложилась в постель на еще не остывшее место новобрачной рядом с ее мужем. Считалось, что, если вила забеременеет и родит мальчика, она потом его вернет в дом, а девочку воспитает, обучит своему умению, и она превратится в вилу (Majar, 1847b. S. 14).

Необходимо отметить, что вслед за этнографом Э. Корытко и С. Вразом Маяр разработал инструкции по записям народного фольклора, а через них перекинул мост к описанию других культурных явлений. Устное поэтическое творчество рассматривалось им с точки зрения влияния на него мифологических сюжетов, обычаев и обрядов (Slovenski etnološki leksikon, 2004. S. 304–305).

Говоря о народных обычаях, он отмечал, что несмотря на то, что словенцы благочестивый и набожный народ, у них сохраняются верования в пророчества и другие дохристианские обычаи и обряды. «Если мы не будем уважать старинные обычаи, кто тогда нас будет уважать», – писал он в статье «Нечто о словенцах. Из Каринтии» (Majar, 1844. S. 172). Это и другие аналогичные высказывания о живучести дохристианских отголосков демонстрируют прогрессивность взглядов и широту кругозора католического священника⁴ М. Маяра.

⁴ Католическая церковь, играющая в жизни словенцев исключительно важную роль в XIX в., являлась одним из крупнейших землевладельцев, поэтому Габсбургская политика была направлена на подчинение католической церкви государству и снижение ее экономического и политического влияния. Католические священники были, как правило, этническими словенцами, из их числа вышла основная часть деятелей словенского просвещения и культуры, представители духовенства стали ядром национальной интеллигенции.

Тема словенских народных праздников и обычаев особенно объемно прозвучала в статье «Словенские обычаи» (Majar, 1851). В ней он одним из первых в словенской этнографии представил красочные описания календарных обычаев и привел фрагменты обрядового фольклора (рождественское колядование, святки, день св. Юрия, праздниках *Майя* и *Крес*), также писал о крестинах, кровной мести, побратимстве. Во введении Маяр отмечал, что в обычаях отражается как в зеркале, сердце и разум словенцев, в них проявляется любовь к нации. «Изучай свой народ! Это должно стать правилом, – настаивал он. <...> Давайте наслаждаться славянскими праздниками, песнями, народными костюмами <...>. Наши противники никогда не смогут искоренить и запретить наши обычаи, даже применяя давление и силу, они могут только противостоять им. Народ остается единым народом, до тех пор, пока он верно хранит свой язык и свои обычаи». Поэтому, отмечал он, справедлива иллирийская пословица: «обычаи старины – мощный щит страны» (Običaji od starine ščit su jaki domovine) (Majar, 1851. S. 12).

Колядование было очень распространено в словенских землях. Вечером перед Рождеством, Новым годом и перед праздниками Всех Святых и Трех Королей церковные певцы или просто умеющие хорошо петь девочки и мальчики до 12 лет шли по селу от дома к дому, вставали перед дверью и пели колядки (Маяр приводит тексты колядок на краньском диалекте, записанных им в Рожье (Rožje) и в Радишче (Radišče) (Каринтия). Колядующим всюду подавали еду, в основном колбасы или сушеное свиное мясо, некоторые даже угощали их обедом, а если их хозяин не угощал, они обижались, поэтому словенцы в Кране пели шуточную песню, которая называлась: «Протяни руку к полке, дай нам колбасы <...>». По поверьям считалось, что колядование приносит в дом удачу, особенно связанную с приплодом скота.

Далее он останавливался на цикле Пасхальных обычаев, более подробно писал о Святках, св. Юрии, *Майи* (праздник, входящий в цикл Троицкой обрядности), *Кресе* (рус. Иван Купала), кото-

рых объединяет то, что все они начинают праздноваться накануне вечером.

В комплекс словенской святочной обрядности входит праздник Богоявление или Трех Королей (трех волхвов, принесших дары Младенцу Иисусу, 6 января), широко бытовавший в XIX в. На этот праздник три молодых парня одевались как короли в белые рубашки, на голове шляпы, украшенные золотой или серебряной бумагой в виде короны, вокруг талии был обвит красный пояс, в руке – деревянная сабля и звезда (Маяр приводит колядки из Гориции, Бельцы, Рожья, Жабляка) (Maĵar, 1851. S. 27–28). Его начинали отмечать вечером 5 января: мальчики бегали по селу, часто даже добегая до соседнего села, звеня в коровьи и козьи колокольчики, это продолжалось до поздней ночи. Считалось, что звон оберегает скотину от медведей и волков. Этот обычай Маяр наблюдал в Зильской долине и в Жабнице. Накануне праздника семья окуривала дом ладаном и кропила святой водой, а над входной дверью хозяин писал инициалы трех королей и дату. Надпись должна была сохраняться на двери до следующего года.

На Святки совершался своеобразный старинный обычай пертха (*pertha* или *perhtra*), описанный М. Маяром и заключающийся в том, что свирепая и страшная женщина, вся косматая, ходила вечером по селу держа в одной руке острую палку, а в другой – топорик, которым она могла ударить человека по спине, на которой висела корзина. Она пугала маленьких детей, о чем пели в словенской песне, которую приводит М. Маяр. Иногда она проникала в дом и забирала яблоки, орехи и т. п., а детишки старались завладеть ими и спрятать, но при этом сами не могли прятаться под столом, иначе, по существу поверью, овцы могли потеряться.

Интересна запись Маяра о праздновании дня св. Юрия в 1841 г.: «Я был свидетелем этого праздника в Рожье с г-ном Измаилом Срезневским – преподавателем Харьковского университета. Мы вместе наблюдали, как один из мужчин вечером 23 апреля надевал на себя зеленые ветки (в других местах Словении – солому), за что получал название Зеленый Юрий» (Maĵar, 1851. S. 105–107). Он ходил из дома в дом, втыкая в дверь веточки, что

по поверьям приносило удачу деревне и семьям, гарантировало хороший урожай. В словенских юрских песнях пелось о приходе весны, пробуждении природы, оживлении земли, первой пахоте, поэтому это событие сопровождалось множеством обрядовых действий: возжиганием костров, перепрыгиванием через огонь, пением и танцами, обходами села, посадкой растений, украшением скота и домов цветами, первым выпасом скота. В Белой Крайне (юго-восток Словении) Маяр наблюдал вариацию этого обычая: девушки наряжали молодую березу (символ вегетации растений) разноцветными лентами и цветами. Затем процессия, участники которой были наряжены в шкуры с коровьими, овечьими и козьими колокольчиками, а на голове были козлиные рога, вместе с Зеленым Юрием, направлялась в центр села. Во главе процессии шли мальчики, свистящие в свистульки и гудящие в трубы. Считалось, что это отгоняет злые силы, которые хотят предотвратить приход весны. Толпа крестьян выходила на мост, с которого в реку бросали корзину с зеленью. Селяне одаривали участников процессии подарками: яйцами, маслом, сухарями, пшеничным хлебом, иногда колбасой, затем все вместе благодарили хозяев. В Рожье, Липе, Лочале, в Берднцах, Св. Юрии и других селах Маяр наблюдал обычай, когда на второй день праздника молодежь собиралась группами в домах и готовила различные угощения из собранных даров, при этом шутили и веселились. Однако эта форма его проведения угасла во второй половине XIX в.

Kres (рус. Иванов день, Иван Купала) – этот праздник словенцы начинали отмечать с полудня 23 июня, переходя в ночь на 24 июня. Маяр пишет, что вероятно, когда-то он был одним из самых больших словенских праздников, поскольку олицетворял день летнего солнцестояния и расцвета природы. Отметим, что обычаи Иванова дня «представляют собой синтез пережитков магических элементов различных дохристианских культур: солнца, растений, воды, памяти умерших предков» и более поздних христианских наслоений. Они вплетаются в единый комплекс первобытных религиозных представлений и действий,

связанных с очистительной и целительной силой огня, верой в его продуцирующее свойство. Культы солнца и огня синкретичны в этом празднике» (Иванова, 1983. С. 111, 113). Громадное дерево, писал Маяр, использовалось для изготовления *креса*, который устанавливался обычно на холме рядом с костром. В Зильской долине после полудня на поляне выкладывали из собранных цветов желтый цветок (так называемый королевский луг) наподобие солнца, в центре его – белые перья. Ими после праздника посыпали в сених дома и оставляли до следующего дня, и они горели как светлячки. Считалось, что сколько их, столько в доме людей – для каждого по одному светлячку. Ветки липы и березы размещали перед окнами дома и в канун праздника сжигали, а вместо них в окна ставили белые цветы клевера, которые стояли пока не засохнут. Считалось, что клевер с четырьмя лепестками делает человека лучше и счастливее и помогает при астматической болезни. Вечером, когда темнело, старые и молодые сходились к костру, иногда они пели, мужчины кричали и стреляли из ружей, девушки и женщины вели беседы, шутили и смеялись; молодые парни сражались на мечах, мальчики дрались, гонялись за летающими искрами-светлячками от костра (Majar, 1851. S. 121–122). Крес представлял собой четырехфутовый буковый деревянный щит (2 дюйма в длину и два в ширину), с отверстием посередине, его насаживали на палку и помещали в костер. Один из участников обряда брал хорошо разгоревшуюся лучину и махал ею так, что от нее разлетались искры, при этом громко кричал, желая здоровья и счастья. Затем он ударял палкой по кресу и искры разлетались высоко над его головой очерчивая красивый горящий полукруг, и чем выше они взлетали, тем было лучше. В селе Св. Вишарье (Sv. Višarje) первую зажженную лучину посвящали св. Деве Марии, другие зажигали за здоровье молодых: к парню подходила девушка, обычно подружка невесты, и говорила: «щепка, щепка загорайся за здоровье (называла имена)». У словенцев существовал стародавний обычай сжигания в костре луговой травы, так как существовало поверье, что пепел от нее изгоняет гусениц из капусты, поверье, что перепрыгивание

через костер несет очистительную функцию, принося здоровье бытовало в регионе между Горицей и Триестом.

Вечером на Крес девушки часто плавил в костре свинец (или олово), затем наливали его в воду (за неимением свинца часто в воду наливали яйцо) и гадали, выйдут ли они вскоре замуж. Было бы неправильно считать, что словенцы и словенки очень суеверны: гадание на олове вызывало много шуток и смеха, когда из него получались фигурки подобные кольцу или дому. Возжигание костра, отмечал Маяр, определенно было связано с солярным культом, на это указывают следующие обычаи словенцев: семена белого папоротника разрешалось собирать только до восхода солнца, четырехлепестковый клевер – тоже; когда дружки жениха приезжали за невестой и отдавали ее жениху, последний, подхватив ее подмышки, три раза кружил по солнцу (Majar, 1851. S. 183–187). Однако в большинстве мест Каринтии, отмечал Маяр, костер в XIX в. исчез.

В связи с праздником *крес* он пишет про обрядовый танец под липой, исполнявшийся во время него, а также на второе воскресенье после Пасхи и долгое время сохранявшийся в Зильской долине. На него впервые обратил внимание И.И. Срезневский, путешествовавший по словенским землям в 1841 г. Из словенских этнографов этот танец, широко распространенный в разных местах Зильской долины, сопровождаемый песнями и исполняемый обычно новобрачными или неженатыми парнями и непорочными девушками, Маяр первым подробно описал в статье «Танец с подскоками» (Majar, 1865. S. 135–136). Он подчеркивает очень древнее его происхождение, и в связи с этим пишет о старинных славянских музыкальных инструментах (флейта, свисток, цимбалы). Согласно более поздним источникам, в первой половине XIX в. танец был быстрым, с прыжками, позже он стал более спокойным, потеряв при этом свое первоначальное название (Slovenski ljudski plesi)⁵.

⁵ Slovenski ljudski plesi – plesno izročilo na Slovenskem. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hervardi.com/plesno_izrocilo_na_slovenskem.php (дата обращения 25.11.2007)

Еще одна статья этнографической направленности «Путешествие по Горице, Млетской и Триестской областям» (Putovanje po Goričkom, Mletačkom i Tarstjanskom), в которой М. Маяр подробно изложил свои впечатления от двухнедельного пешего путешествия, содержит весьма интересные сведения о численности населения, обычаях, жилище, одежде, этническом составе, диалектных особенностях, национальном характере жителей этих мест. Такого рода сведения из этих регионов были новы для словенской этнографии. Он отправился в путь из с. Св. Вишарье (Юлийские Альпы, Крайна) и на своем пути посетил более 20 селений. К западу от Чивидале Маяр попал во влашские села. Подчеркивая, что влахи очень древнее население этих земель, он достаточно подробно остановился на экзо- и эндоэтнониме *влах*, которым словенцы здесь называли итальянцев, а словенцы в Горице и венецианские словенцы влахом называли только фриульца, влашским языком считали фриульское наречие. Итальянцы называли влахами всех западных словенцев, а словенцы Каринтии и Крайны влахом называли каждого итальянца. В далматинских городах этнонимом влах обозначали сельских жителей (Majar, 1847a. S. 28).

Довольно подробно останавливается он на специфике фриульского диалекта⁶ словенского языка, справедливо подчеркивая, что он не является смесью словенского и итальянского наречий, что это особое ответвление наречия каринтийских словенцев. В Костаньовицах (Kostanjovici, Нижнепосавский регион) он с восторгом пишет о живописном женском головном уборе: белой *печи* (реџа) – национальном символе словенской женщины – аналогичной той, которую носят в Штирии, Крайне и Горице, за исключением Белца (Belca, Краньска Гора), где просматривается немецкое влияние. Кроме того, Маяр описывает яркий бело-красный жилет (kamizol), который носили здесь и женщины, и мужчины, призывая запечатлеть в цвете эти пре-

красные одежды, чтобы яснее можно было представить их крой и своеобразие (Majar, 1847a. S. 33). Двигаясь к Девину (Devin) вновь фиксирует своеобразную местную триестскую одежду словенек. Заключают статью описания незначительных диалектных различий словенского языка у жителей Каринтии и Крайны.

В своей более поздней статье «Словенские господа» (Majar, 1858), в которой ярко прозвучала тема словенской идентичности, он отмечал, что словенский высший класс и интеллигенция слишком плохо знают свой народ, его чаяния и обычаи, используют в основном немецкий язык, читают иностранные газеты и журналы, ведут себя как иностранцы, не поддерживая славянскую духовность. Из-за этого славянское самосознание предстает в искаженном виде, а нация утрачивает национальный колорит. Поэтому М. Маяр задается вопросом: «как это исправить?». Он считает, что театральные представления должны ставиться не на немецком, а на родном словенском языке, и посещать их должны не только люди из высшего сословия, в спектаклях должны разыгрываться сцены сватовства, обручения и свадьбы. Все словенцы, и не только крестьяне, должны принимать участие в народных праздниках, петь песни по-словенски, и высший класс должен иметь обыкновение посещать эти праздники и ярмарки, приносить тосты на свадьбах по-словенски, что поможет шире распространять родной язык.

Необходимо отметить, что Маяру очень помогли рекомендации главного редактора журнала «Коло» С. Вразы, письма которого изобилуют подсказками по методологии сбора этнографического материала. Он просит фиксировать описание обычаев и фольклора на местном диалекте, дает рекомендации по типологии материала и подчеркивает связь между фольклорным текстом и контекстом, к чему современная наука пришла гораздо позже (Banov-Depore, 2012. S. 90).

М. Маяр и Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. в Москве

Любовь М. Маяра к славянству и России отразилась, прежде всего, в его труде «Грамматика рус-

⁶ О субэтнических группах фриульских словенцев (резьбанах и словианах), проживавших в Триестской области, и их диалектах до М. Маяра писали, например, П.-И. Шафарик (Шафарик, 1842. С. 109–113), И.И. Срезневский (Срезневский, 1844).

ская для словенцев», которая вышла в 1867 г. в Вене на средства риекского купца Г. Блажа, горячего русофила, доброго знакомого русского консула в Риеке Л.В. Березина. О выходе этой грамматики сразу же сообщила славянофильская газета «Москва». Правда, спустя несколько дней она напечатала на книгу Маяра очень сдержанную рецензию, но какие бы недостатки грамматика ни имела, в течение десятков лет она оставалась единственным пособием для словенцев при изучении русского языка (Чуркина, 1986. С. 74–79). Интерес к России, несомненно, повлиял на его желание участвовать в крупнейшем культурном событии для всего славянского мира – открытии в 1867 г. в Москве первой Всероссийской этнографической выставки и Славянского съезда.

Отметим, что начиная с середины XIX в., этнографическая наука утверждалась не только в странах Европы и Америки, но и в России. Огромный фактический материал, накопленный к этому времени, привел к появлению обобщающих аналитических трудов, теоретических концепций, к возникновению этнографических обществ и специальных периодических изданий, созданию музеев и выставок.

Научно-просветительскими целями выставки были: демонстрация величия и огромного многообразия необъятной Российской империи, а также сопредельных зарубежных славянских стран, стимулирование интереса к изучению материальной и духовной культуры разных народов, стремление на основании богатейших коллекций создать в Москве этнографический музей и Этнографический отдел Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕАЭ).

20 мая славянские гости, в числе которых был М. Майя, прибыли в Петербург. Путешествие от границы до Петербурга, проживание в столице и в Москве Маяру было оплачено оргкомитетом выставки (Матвей Маяр Зильский, 2010, С. 291). Выставка проходила в московском Манеже с 23 апреля по 18 июня и вызвала большой общественный резонанс не только в России, но и в европейских странах. Внушительным было число гостей (81) из

зарубежных славянских стран, находящихся под властью Австро-Венгрии и Османской империи. Среди приглашенных были и словенцы, но в Россию решились поехать только трое из них, в том числе и М. Майя.

В огромном зале Манежа на специальных платформах размещалось около 300 искусно выполненных восковых манекенов, облаченных в традиционные народные одежды инородцев России и восточных славян, а в *третий подотдел* входили западные и южные славяне Центральной и Юго-Восточной Европы (62 манекена).

Русский священник в Вене М.Ф. Раевский еще задолго до открытия выставки связался с Л. Томаном и Я. Блейвейсом – руководителями Матицы Словенской с просьбой прислать на выставку предметы быта словенцев. Несмотря на то, что Маяру было отказано епископом Виери в поездке в Москву, он все же в 1866 г. послал в Россию костюмы зиян и зиянок. Они и другие этнографические экспонаты были закуплены Маяром на его личные средства (315 гульденов). За свой дар он получил от организаторов выставки награду второй степени, ИОЛЕАЭ присвоило ему диплом действительного члена общества, он был также принят в члены Общества любителей русской словесности и стал членом-корреспондентом Новороссийского университета в Одессе (Зарубежные славяне и Россия, 1975. С. 281)⁷.

Итак, Майя прислал в подготовительный комитет выставки праздничную жанровую сцену сельской свадьбы субэтнической группы *словенцев-зиян*, и в приложении к ней фотографии и рисунки, изображающие главных персонажей свадьбы (4-х мужчин и 2-х женщин). Руководствуясь этими материалами, русские художники и скульпторы изготовили восковые манекены. Жених был одет в красный кафтан, на голове – круглая шляпа, украшенная перьями и цветами, невеста в живописном наряде, сочетающем белые и ярко красные тона. Возглавлял свадебную процессию знаменосец на коне (барьяктар), он свистел, созывая народ

⁷ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М.: Наука. 1975. 576 с.

на свадьбу, в руке держал знамя, а сабля висела у него на поясе. Знаменосец первым подъезжал к дому невесты и начинал стучать в дверь саблей, пока он стучал подъезжали и сваты, которые кричали и пели песни. После продолжительного стука в дверь, ее наконец открывали, в прихожей сидели мужчины и женщины, держа в руках вилы и делая вид, что они обороняются от незнакомых гостей, чтобы те не вошли в дом. Внимание посетителей, осматривающих эту композицию, было привлечено к архаичному обряду «разбивания бочки» (символ счастливого брака и потери женихом и невестой девственности в брачную ночь), к дружке, в руках которого было старинное изделие «пошиляне» (эмблема супружества) – изображение петуха на одном зубце вил, а на другом – свечи (Указатель этнографической выставки, 1867. С. 70–76)⁸. Предметы крестьянского быта были размещены на заднем плане экспозиции, а на небольшом искусственном деревце были прикреплены: два яблока, две фигурки, мужская и женская, орехи – символ соединения полов (газета Русский. Москва. 1867. № 19–20 (май). С. 318).

Дар Маяра сопровождала написанная им записка («Объяснение группы»), которая, по мнению филолога и фольклориста академика М.Н. Сперанского, была не просто описанием всех деталей свадебного обряда, а целым трактатом, излагающим соображения и взгляды Маяра по поводу обычаев и прошлого словенцев, отчасти и других славянских народов. К сожалению, это объяснение было утрачено и сохранилось лишь в переводе известного слависта Н.А. Попова на русский язык. Говоря об «Объяснении», М.Н. Сперанский писал, что научная методика Маяра не выходила далеко за пределы XVIII в., присовокупляя к ней лишь то, что было уже наработано в первой половине XIX столетия. Маяр отрицал заимствования и позднейшие наслоения в области народного творчества, устное поэтическое творчество он рассматривал с точки зрения влияния на него мифологических сюжетов и

был убежден, что все словенские обычаи вели свое происхождение из глубокой древности, когда славяне были едины. Давая оценку этнографическим материалам Маяра М.Н. Сперанский сделал вывод, что они дают право отнести Маяра «к числу замечательных <...>, если не исследователей, то собирателей» (Сперанский, 1931. С. 988–1000; Всероссийская этнографическая выставка..., 1867. С. 335).

В заключение подчеркнем, что М. Маяра несомненно можно назвать не только выдающимся борцом за национальное возрождение зарубежных славян, но и просветителем, внесшим огромный вклад в формирование идентичности словенцев. Для его научного творчества характерен комплексный подход к изучению жизни словенцев в XIX в.: это и стремление М.Маяра к созданию словенского литературного языка, и введение его преподавания в школах и семинариях, его политические программы, и значимые этнографические и фольклорные изыскания, в которых он во многом явился первопроходцем.

Будучи последователем мифологической школы братьев Гримм, устное поэтическое творчество он рассматривал с точки зрения влияния на него мифологических сюжетов, обычаев и обрядов. Используя метод включенного наблюдения (сбор эмпирического материала), он приходил к важным обобщениям и выводам, что давало импульс дальнейшему развитию зарождающейся этнографии в словенских землях. На наш взгляд, его нельзя назвать лишь простым собирателем: он разработал методику сбора фольклорных материалов, создал инструкции по записям народных песен, а через них перекинул мост к описанию других культурных явлений. Думаю, что один из первых опытов обращения к этнографическим трудам широко образованного католического священника и прогрессивно мыслящего человека, безусловно, важен и интересен – в особенности для российских исследователей-этнологов и историков.

⁸ Указатель русской этнографической выставки. М., 1867. 148 с.

Библиографический список

Будилович А. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава, 1892. Т. 2. 384 с.

Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867. X. 473 с.

Запольская Н.Н. «Общеславянский» литературный язык: модели Ю. Крижанича (XVII в.) и М. Маяра (XIX в.) // Славяноведение. 1996. № 1. С. 83–94.

Иванова Ю.В. Следы солярного культа // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука. 1983. С. 105–115.

Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. СПб.: Алетейя, 2011. 480 с.

Лескинен М.В. Понятие «нрав народа» в российских этнографических концепциях XIX в. // Славянский альманах. 2006. М.: Индрик, 2007. С. 281–311.

Матвей Маяр Зильский. Первый словенский панславист. Статья неизвестного автора для «Славянского обозрения» // Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.). М.: Дрeвлехранилище, 2010. С. 290–299.

Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. 736 с.

Сперанский М.Н. К истории славянской этнографии // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. Сер. VII. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1931. № 8. С. 988–1000.

Срезневский И.И. Фриульские славяне (резьяне и словины) // Москвитянин. 1844. Ч. 5. № 9. С. 207–234.

Толстой Н.И. Избранные труды. Славянская литературно-языковая ситуация. М.: Языки русской культуры. 1998. Том II. 544 с.

Фермойлен Х.Ф. Происхождение и институализация понятия Volkerkunde (1771–1843) // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 101–109.

Францев В.А. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Материалы для истории славянской филологии. Варшава, 1905. 1296 с.

Чуркина И.В. Всеславянская модель Матии Маяра Зильского // Славянский альманах. 2001. М.: Индрик, 2002. С. 106–119.

Чуркина И.В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. – 1914 г. М.: Наука. 1986. 224 с.

Чуркина И.В. Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914. М.: Ин-

References

Budilovich A. (1892) Common Slavic language among other common languages of ancient and modern Europe. Varshava. Vol. 2. 384 p. (In Russ.)

(1867) All-Russian Ethnographic Exhibition and Slavic Congress in May 1867. Moscow. X. 473 p. (In Russ.)

Zapol'skaya N.N. (1996) "Common Slavic" literary language: models by Y. Krizhanich (XVII century) and M. Mayar (XIX century). *Slavyanovedenie = Slavic studies*. No. 1. P. 83–94. (In Russ.)

Ivanova Yu.V. (1983) Solar cult traces. *Kalendarnye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoi Evropy. Istoricheskie korni i razvitie obychaev = Calendar customs and ceremonies in the countries of foreign Europe. Historical roots and development of customs*. Moscow: Nauka. P. 105–115. (In Russ.)

Kirilina L.A., Pil'ko N.S., Churkina I.V. (2011) History of Slovenia. St. Petersburg: Aleteiya. 480 p. (In Russ.)

Leskinen M.V. (2007) The concept of "people's character" in Russian ethnographic concepts of the 19th century. *Slavyanskii al'manakh. 2006 = Slavic Almanac. 2006*. Moscow: Indrik. P. 281–311. (In Russ.)

(2010) The first Slovenian pan-Slavist. Article by an unknown author for "Slavic Review". *Russko-slovenskie otnosheniya v dokumentakh (XII v. – 1914 g.) = Russian-Slovenian relations in documents (XII century – 1914)*. Moscow: Drevlekhranilishche. P. 290–299. (In Russ.)

(1991) *Mifologicheskii slovar' = Mythological dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 736 p. (In Russ.)

Speranskiy M.N. (1931) To the history of Slavic ethnography. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk. Ser. VII = News of the USSR Academy of Sciences. Department of Social Sciences. Ser. VII.* Leningrad: Akademiya nauk SSSR. No. 8. P. 988–1000. (In Russ.)

Sreznevskii I.I. (1844) Friulian Slavs (Rezyans and Slovins). *Moskvityanin = Muscovite*. Pt. 5. No. 9. P. 207–234. (In Russ.)

Tolstoi N.I. (1998) Selected Works. Slavic literary and linguistic situation. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. Vol. II. 544 p. (In Russ.)

Fermoylen X.F. (1994) Origin and institutionalization of the concept of Volkerkunde (1771–1843). *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic review*. No. 4. P. 101–109. (In Russ.)

Frantsev V.A. (1905) Letters to Vyacheslav Ganka from the Slavic lands. Materials for the history of Slavic philology. Varshava. 1296 p. (In Russ.)

Churkina I.V. (2002) All-Slavic model of Matiya Mayar Zil'sky. *Slavyanskii al'manakh. 2001 = Slavic Almanac. 2001*. Moscow: Indrik. P. 106–119. (In Russ.)

Churkina I.V. (1986) Russians and Slovenes. Scientific connections at the end of the 18th century – 1914. Moscow: Nauka. 224 p. (In Russ.)

Churkina I.V. (2017) Russia and the Slavs in the ideology of the Slovenian national activists of the 16th Century –

ститут славяноведения РАН, 2017. 576 с.

Шафарик П.-Й. О резьянах и фурланских словинах // Денница. Варшава, 1842. № 9 (май). С. 109–113.

Banov-Depope E. Recepcija slavenskih usmenih tradicija u časopisu Kolo. Riječki filološki dani 9. 2012. S. 83–93.

Breznik A. Razvoj novejše slovenske pisave pa Levčev pravopis // Dom in svet, letnik 26, številka 1. 1913. S. 28–32.

Fikfak J. Iz etnološkega in folklorističnega dela Jakoba Volčiča, objavljenega v Novicah 1851–1881 // Etnološka tribina 13–14/6–7. Zagreb, 1984. S. 97–105.

Fikfak J. Ljudstvo mora spoznati sebe. Podobe narodopisja v 2. pol. 19. stoletja. Ljubljana: Založba ZRC, : Založba Forma 7. 1999. 242 s.

Fikfak J. Narodopisje in Matija Majar // Bojana Rogelj Škafar (ed.). Razstava Slovani Evrope = The Exhibition The Slavs of Europe: slovenski prispevek – the Slovene contribution. Loka pri Mengšu: Forum slovanskih kultur. Bruselj. 2008. S. 13–28.

Kidrič F. Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana, 1929. 724 s.

Kovačič F. «Kalobski» rokopis slovenskih pesmi iz leta 1651 // Časopis za zgodovino in narodopisje. 1930. № 25. S. 181–205.

Majar M. Nekaj od Slovencev. Iz Koroškega // Novice. 1844. № 2. S. 136, 138–139, 151–152, 155–156, 159, 172, 175–176.

Majar M. Slovenske besede // Novice. 1845. № 3. S. 155–156, 159–160, 163, 170–171, 175, 178–179, 183, 186.

Majar M. Putovanje po Goričkom, Mletačkom i Tarstjanskom // Kolo. 1847a. VI. S. 20–37.

Majar M. Vile i šta o njih znade narod slovenski u Koruškoj // Kolo. 1847b. IV. S. 9–18.

Majar M. Slava Bogu v višavah // Novice. 1848. № 6. S. 50.

Majar M. Slovensko slovstvo // Drobtinice. 1849. № 1. S. 204–216.

Majar M. Narodove pesni // Slovenska bcela. 1850. № 1. S. 89–93.

Majar M. Slovenski običaji // Slovenska bčela. 1851. № 2 (1). 10–12, 27–28, 42–44, 58–60, 74–76, 90–92, 105–107, 121–122, 183–187.

Majar M. Slovenska gospoda // Novice. 1858. № 16. S. 194–197.

Majar M. Slovenščina na Slovenskem // Novice. 1859. № 50–51.

Majar M. Stanje slovincov // Novice. 1861. № 12. S. 95.

Majar M. Visoki raji // Novice. 1865. № 23. S. 135–136.

1914. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN. 576 p. (In Russ.)

Shafarik P.-I. (1842) About Rezyans and Furlansky Slavs. *Dennitsa* = Dennitsa. Varshava. No. 9. May. P. 109–113. (In Russ.)

Banov-Depope E. Recepcija slavenskih usmenih tradicija u časopisu Kolo. Riječki filološki dani 9. 2012. S. 83–93.

Breznik A. Razvoj novejše slovenske pisave pa Levčev pravopis // Dom in svet, letnik 26, številka 1. 1913. S. 28–32.

Fikfak J. Iz etnološkega in folklorističnega dela Jakoba Volčiča, objavljenega v Novicah 1851–1881 // Etnološka tribina 13–14/6–7. Zagreb, 1984. S. 97–105.

Fikfak J. Ljudstvo mora spoznati sebe. Podobe narodopisja v 2. pol. 19. stoletja. Ljubljana: Založba ZRC, : Založba Forma 7. 1999. 242 s.

Fikfak J. Narodopisje in Matija Majar // Bojana Rogelj Škafar (ed.). Razstava Slovani Evrope = The Exhibition The Slavs of Europe: slovenski prispevek – the Slovene contribution. Loka pri Mengšu: Forum slovanskih kultur. Bruselj. 2008. S. 13–28.

Kidrič F. Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana, 1929. 724 s.

Kovačič F. «Kalobski» rokopis slovenskih pesmi iz leta 1651 // Časopis za zgodovino in narodopisje. 1930. № 25. S. 181–205.

Majar M. Nekaj od Slovencev. Iz Koroškega // Novice. 1844. № 2. S. 136, 138–139, 151–152, 155–156, 159, 172, 175–176.

Majar M. Slovenske besede // Novice. 1845. № 3. S. 155–156, 159–160, 163, 170–171, 175, 178–179, 183, 186.

Majar M. Putovanje po Goričkom, Mletačkom i Tarstjanskom // Kolo. 1847a. VI. S. 20–37.

Majar M. Vile i šta o njih znade narod slovenski u Koruškoj // Kolo. 1847b. IV. S. 9–18.

Majar M. Slava Bogu v višavah // Novice. 1848. № 6. S. 50.

Majar M. Slovensko slovstvo // Drobtinice. 1849. № 1. S. 204–216.

Majar M. Narodove pesni // Slovenska bcela. 1850. № 1. S. 89–93.

Majar M. Slovenski običaji // Slovenska bčela. 1851. № 2 (1). 10–12, 27–28, 42–44, 58–60, 74–76, 90–92, 105–107, 121–122, 183–187.

Majar M. Slovenska gospoda // Novice. 1858. № 16. S. 194–197.

Majar M. Slovenščina na Slovenskem // Novice. 1859. № 50–51.

Majar M. Stanje slovincov // Novice. 1861. № 12. S. 95.

Majar M. Visoki raji // Novice. 1865. № 23. S. 135–136.

Merhar B. Majar Matija (1809–1892) // Slovenski biografski leksikon: 5. zv. Maas – Mrkun. Ljubljana: Zadružna gospodarska banka. Ljubljana, Zadružna gospodarska banka, Maas – Mrkun. 1933. S. 65–69.

Novak V. Raziskovalci slovenskega življenja. Cankarjeva založba. Ljubljana, 1986. 367 s.

Rozman J. Matija Majar Ziljski // Dom in svet, 1893, letnik 6, št. 5. S. 193–296.

Slovenski etnološki leksikon. Narodna in univerzitetna knjižnica. Ljubljana, 2004. S. 304–305.

Сведения об авторе

Керимова Мариям Мустафаевна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Центр европейских исследований,

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-
Маклая РАН,

119991, г. Москва, Ленинский пр. 32а, Россия,

✉ e-mail: mkerimova@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

М.М. Керимова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 3 октября 2020 г.

Поступила после рецензирования и доработки
25 октября 2020 г.

Принята к публикации 2 ноября 2020 г.

Merhar B. Majar Matija (1809–1892) // Slovenski biografski leksikon: 5. zv. Maas – Mrkun. Ljubljana: Zadružna gospodarska banka. Ljubljana, Zadružna gospodarska banka, Maas – Mrkun. 1933. S. 65–69.

Novak V. Raziskovalci slovenskega življenja. Cankarjeva založba. Ljubljana, 1986. 367 s.

Rozman J. Matija Majar Ziljski // Dom in svet, 1893, letnik 6, št. 5. S. 193–296.

Slovenski etnološki leksikon. Narodna in univerzitetna knjižnica. Ljubljana, 2004. S. 304–305.

Information about the author

Mariam M. Kerimova,

Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Center for European
Studies,

Institute of Ethnology and Anthropology named after
N.N. Miklukho-Maclay RAS,

32a, Leninsky avenue, Moscow 119991, Russia,

✉ e-mail: mkerimova@yandex.ru

Contribution of the authors

M.M. Kerimova carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received October 3, 2020.

Received October 25, 2020.

Accepted November 2, 2020.